

ков, допущенных отстраненными от власти партийными и советскими работниками. Н. Н. Ровинский в силу своей профессиональной деятельности оказался тесно связан с прежним руководством губернии. Это стало одной из причин его переезда на работу в Москву. 1 февраля 1929 г. он был освобожден от должности ректора СГУ, а с 1 сентября 1929 г. окончательно оставил и должность профессора Смоленского государственного университета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 21.
2. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 52.
3. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 65.
4. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 70.
5. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152.
6. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 208.
7. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 4307.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 14.
11. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 34.
12. *Петухова О. А.* Историческое образование в российской школе в первые годы Советской власти: 1917–1937 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Смоленск : Б. и., 2004. 283 с.

Темушев С. Н.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ В. И. ПИЧЕТЫ

История восточных славян древнерусского периода входила в круг профессиональных интересов В. И. Пичеты, и в своих работах ученый неоднократно обращался к различным ее аспектам. Владимир Иванович был глубоким специалистом по истории Древней Руси, причем из самых ранних его работ видно, что он старался рассматривать те или иные явления или процессы во взаимосвязи их различных аспектов. Уже в 1908 г. молодой ученый выступил соавтором обобщающей работы

«Очерки русской истории» (совместно с Е. И. Вишняковым, переиздана в 1913 г.) [2; 3], в которой была поставлена задача выяснить связь между экономическим строем России и ее социальным, политическим и культурным бытом.

Среди первых монографий, опубликованных ученым уже в послереволюционное время, следует отметить работу 1922 г. «Введение в русскую историю: Источники и историография» [6]. В новых условиях, сложившихся после Октябрьской революции, обращение к историографии было одной из важнейших задач исследователей (требовалось осмысление с новых позиций завершеного периода). Владение же источниками стало фундаментом для дальнейшей исследовательской деятельности ученого. В то же время превосходное и всестороннее знание В. И. Пичетой историографии и источников по истории восточных славян в целом позволило ему глубоко исследовать историю белорусских земель данного периода. В то же время прочитанный в руководимом им Белорусском государственном университете курс лекций под названием «История белорусского народа» стал первым курсом по истории Беларуси, охватывающим максимально длительный период (с древнейших времен до 1900 г.). Ряд проблем, в том числе и средневековой истории, был затронут в этом курсе впервые [1, с. 220]. Именно в рамках изучения средневековой истории Беларуси ученый-славист смог глубоко осмыслить древнерусскую историю (в дореволюционный период своей исследовательской деятельности В. И. Пичета обращался к хронологически и тематически иной проблематике: от образования Российского государства и событий Смутного времени начала XVII в. до отмены крепостного права и реформ 1860–70-х гг.) [15, с. 8].

Можно выделить три проблемы древнерусской истории, получившие в работах Владимира Ивановича обстоятельное освещение: 1) *этногенез восточных славян*; 2) *формирование и развитие восточнославянской государственности*; 3) *особенности общественно-политического строя древнерусских княжеств-земель* (вместе с функционированием их основных политических институтов). Еще одна тема, к которой вынужден был обратиться ученый уже в 1940-х гг., была связана с государственным заказом. В условиях Великой Отечественной войны, когда все советские граждане старались внести свой вклад в общую победу, ученые-историки были мобилизованы на один из участков идеологического фронта. Большое значение для усиления патриотизма и самопожертвования в борьбе с врагом придавалось обращению к воинской славе России. Как известно, поэт в России больше, чем поэт. Так и ученые историки не могли ограни-

читься разработкой узкой «кабинетной» тематики. В 1942 г. В. И. Пичета подготовил к изданию научно-популярную работу об Александре Невском (издана в Ташкенте). Еще более показательны его работы 1939–1940 гг. «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии» и «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии» [8].

Основная задача трудов состояла в создании яркой картины «вековой эксплуатации народов этих стран под двойным гнѐтом (классовым и национальным)» [10, с. 2]. В то же время автором были подробно рассмотрены различные аспекты истории Галицкой и Владимиро-Волынской земель, включая проблемы миграции населения, развития государственности и экономики восточных славян. Уделил внимание В. И. Пичета и проблеме становления феодальных отношений, которые он связывал с формированием крупной частной земельной собственности. Бояре-землевладельцы (прежде всего, Галицкой земли) раздавали землю «отрокам», которые становились их военными слугами. Так, по мнению историка, феодал-боярин становился сеньором западноевропейского типа [10, с. 9]. Важно, что ученый не стремился искусственно отодвинуть начало феодализма вглубь веков: о «значительном развитии феодальных отношений» в древнерусский период он писал начиная только с XII в., что согласуется с современным представлением.

Далее рассмотрим решение В. И. Пичетой обозначенных ранее трех основных проблем древнерусской истории, к которым он обращался в своих исследованиях, лекциях, научно-популярных работах. В ряде случаев под влиянием получившей полное господство в советской исторической науке марксистской парадигмы историк корректировал некоторые свои выводы, но в целом обнаруживается сохранение им собственного видения основных аспектов древнерусской истории. Во многом представления В. И. Пичеты о своеобразии Древней Руси («Киевского государства») сложились еще в дореволюционный период. Несомненно и мощное воздействие на них взглядов В. О. Ключевского. Именно благодаря лекциям выдающегося российского историка, прочитанным на историко-филологическом факультете Московского университета, будущий разносторонний исследователь смог получить достаточно полную и строго систематизированную картину древнерусской истории. Несомненным было влияние В. О. Ключевского и в плане методологии исторических исследований: московский профессор являлся научным руководителем дипломной работы В. И. Пичеты.

Несколько работ В. И. Пичета непосредственно посвятил проблеме происхождения русского, белорусского и украинского народов. В целом, проблему этногенеза восточных славян он решал в духе теории «триединства русского народа» [14, с. 19–32; 13, с. 240–241]. И его идеи явились предтечей, или, по крайней мере, были созвучны теории древнерусской народности, позже получившей завершённую формулировку в работах В. В. Мавродина. К выводу о формировании в домонгольский период восточнославянской общности и ее «расколе» после монгольского нашествия [7, с. 160] ученый пришел не в результате заимствования у своих предшественников (например, В. О. Ключевского) или воздействия современных ему событий (присоединение Западной Украины и Западной Беларуси), как считала украинская исследовательница Наталья Юсова, а вследствие глубокого изучения источников. Как представляется, Владимир Иванович строил свои умозаключения главным образом на основе сведений источников, именно источники позволяют делать вывод об интеграционных этнических процессах в рамках Древнерусского государства и последующей дезинтеграции восточнославянской общности после монгольского нашествия. Нельзя также сводить к заимствованию из работ украинского историка Козаченко [13, с. 242] вывод В. И. Пичеты о значительной консолидирующей роли церковной организации на Руси.

Но в целом в своей общей концепции генезиса восточнославянских народностей («трех братских народов») В. И. Пичета во многом повторял выводы В. О. Ключевского. Было это прямым заимствованием или же осмысление информации источников позволяло прийти к тем же выводам – проблема, целиком лежащая в плоскости субъективной оценки научного наследия ученого. Между тем тезис о «разрыве» восточнославянской этнической общности (термин «народность» В. И. Пичета не использует) вследствие монгольского нашествия не обязательно должен был быть заимствован у выдающегося российского историка начала XX в.

Этнические процессы В. И. Пичета тесно связывал с политическим развитием, становлением и эволюцией государственности восточных славян. При этом ученый не стремился упростить схему этнического развития. Так, в его работах нельзя найти прямого указания на то, что союзы племен дреговичей, радимичей и кривичей были «белорусскими» этническими образованиями. Это были основные «предки белорусов» (кавычки принадлежат самому историку), но на их развитие оказывали воздействие соседи: на юге – южнорусские древляне, на западе – южнорусские волыняне, на востоке – русские вятичи. В результате этих

«племенных скрещений» из «племенных славянских элементов» образовалось пять «этнических добелорусских центров» [4, с. 16]. Их обособленность была обусловлена, прежде всего, развитием феодальных отношений и феодальной раздробленностью (что поддерживало политическое раздробление), а также и господством натурального хозяйства и слабым развитием обмена. В период раздробленности происходило также «скрещение местных славянских и неславянских этнических элементов», что способствовало формированию особенностей каждого этнически смешанного района [4, с. 17].

Тем не менее, несмотря на «феодальную раздробленность», по мнению В. И. Пичеты, сохранялось культурное единство всей русской земли [4, с. 18]. В ряде работ ученый утверждал и об относительном этническом и политическом единстве Руси. В работе 1940 г. он писал: «...Червенские города, Волынь, Полоцкая и Турово-Пинская земли, войдя в состав «империи Рюриковичей», представляли собой часть «Русской земли», единой в своем этническом составе и достаточно мощной в политическом отношении» [10, с. 5]. В дальнейшей истории Древней Руси В. И. Пичета обнаруживал расширение экономических связей и укрепление политического единства, что, по его мнению, должно было привести к завершению процесса скрещивания отдельных славянских и неславянских элементов в этническое единство. Но эта тенденция была прервана «татаро-монгольским» завоеванием, вследствие которого произошел «разрыв народности», и «исторические судьбы северо-западной Руси сложились иначе, чем северо-восточной» [4, с. 18–19].

В осмыслении проблемы формирования восточнославянской государственности В. И. Пичета во многом предвосхитил современное представление о восточнославянском политогенезе. Так, несмотря на усилившиеся в советской историографии позиции «воинствующих антинорманистов», ученый открыто писал о значительной роли скандинавов (в его терминологии – норманнов) в складывании Древнерусского государства. Вместе с тем, в представлении историка, норманнские князья, когда прибыли в славянские города «застали тут уже утвердившуюся городскую жизнь, с формами которой не могли не считаться» [11, с. 57].

Созданное во главе с норманнской династией государство, объединившее славян, населивших лесные и лесостепные регионы Восточной Европы, В. И. Пичета характеризует, как «династическое». В его представлении раннее Древнерусское государство представляло собой лишь поверхностное объединение славянских племен, которое «не

касалось внутренней жизни славянства» [11, с. 46]. В работах ученого неоднократно затрагивается, ставшая в последнее время одной из ключевых, проблема взаимодействия «Севера» и «Юга» в процессе образования Древнерусского государства. В представлении ученого для организации отпора норманнским завоевателям первоначально на севере Восточной Европы славянский и финские племена создают политический союз, который освободился от выплаты дани. Между тем, встретив сопротивление на севере, норманны «имели большую удачу» на юге – в стране полян, которые нуждались в хорошо организованной силе для охраны торговых путей. Со временем и на севере «враги славян одержали победу» и утвердились в Новгороде, Изборске и Белозере. Так образовалось два «варяжских княжества» – Новгородское и Киевское. В результате похода Олега эти княжества были объединены [11, с. 46]. При этом, в отличие от В. О. Ключевского, В. И. Пичета, хотя и отмечает определенное значение водных торговых путей, не рассматривает их в качестве важнейшего фактора политической консолидации восточных славян.

«Династическое государство» (до середины XI в.), по мнению В. И. Пичеты, представляло собой объединение отдельных «земель-стран», которые были связаны с Киевом только экономическими отношениями [11, с. 65–66] (речь идет о необходимости выплаты дани и торговых связях). Тем проще было освободиться «землям-странам» из-под влияния Киева. Это произошло, как считал Владимир Иванович, уже после смерти Ярослава Первого. Завещание Ярослава свидетельствовало об обособленности стран и о самостоятельности их политической жизни. Появление же в «странах» местных династий должно было способствовать еще большему закреплению обособленности.

Важно, что в своих ранних работах В. И. Пичета совершенно не учитывал воздействие развития феодальных отношений на процесс политической децентрализации. Основную причину раздробленности «династического государства» ученый обнаруживал в нормах общеславянского семейного права. Киевское государство рассматривается, как общее владение всей княжеской семьи. По нормам обычного права эта коллективная собственность в случае раздела должна быть разделена между сонаследниками на равные доли [11, с. 66]. В данном случае историк отдавал дань родовой теории С. М. Соловьева, теории «задружного быта» Ф. И. Леонтовича и концепции «княжого права» А. Е. Преснякова. Но в более поздних работах он переходит на позиции марксизма, хотя его основные положения воспринимает весьма поверхностно, заимствуя

чаще всего лишь терминологию. Так, раннее Древнерусское государство В. И. Пичета называет «империей Рюриковичей» (вслед за К. Марксом), а в качестве основной причины, приведшей к раздробленности – рост в отдельных землях «крупного феодального землевладения» [10, с. 6]. При этом как в работах 1920-х гг., так и позднее, ученый главный акцент делает на упадке «Киевского государства», вызванном внутренними (усобицы князей) и внешними (нападения кочевников) причинами [11, с. 74].

В 1920-е гг. В. И. Пичета активно занимался изучением истории Беларуси, при этом значительное внимание им было уделено древнерусскому периоду. В своей работе «История Беларуси», доведенной до Люблинской унии 1569 г., выдающийся историк подробно рассмотрел вопросы государственного строя белорусских земель в древнерусский период и организации управления в Полоцке и Смоленске. Он считал, что общественно-политический строй этих древнерусских княжеств-земель был построен на принципе согласия трех элементов власти: народного веча, князя и княжеской думы, однако при преобладании веча. Вече не было периодическим и созывалось под воздействием тех или иных очередных государственных потребностей [11, с. 89, 90]. Значение же князя и его отношение к вече в значительной степени зависели от «степени его влияния и заслуг перед страной».

Между тем именно к компетенции князя В. И. Пичета относил ведение военных дел, суд и внутреннее управление. Князь назначал «правительственных лиц» – посадников, а также чиновников («детских») для сбора торговых и других податей. Важно, что органы внутреннего управления, в понимании историка, относились исключительно к княжеской прерогативе и призваны были поддерживать порядок и тишину на той или иной подвластной князю территории. В пользу князя поступали судебные сборы, общие натуральные и денежные подати, торговые налоги и т. д. В совет при князе («княжескую думу»), по мнению В. И. Пичеты, входили старшие княжеские дружинники – бояре. Именно из их числа назначались посадники, им князь давал различные поручения. В какой-то степени эти бояре-дружинники ограничивали власть князя, поскольку без их совета тот не мог ничего сделать [11, с. 91].

Таким образом, ученым создана картина сложной системы организации управления Полоцкой землей и согласования интересов различных центров силы (или групп населения, что уже близко к марксистскому подходу в объяснении исторических явлений). Такое понимание было

более объективным в сравнении с упрощенной схемой в духе теории земско-вечевого строя, характерной для историографии второй половины XIX – начала XX в. [12, с. 17]. Важно, что В. И. Пичета не ограничивался дошедшей до нас информацией источников, территориально относящихся к Беларуси. Он широко использовал сравнительно-исторический метод, данные источников по истории развития иных, кроме Полоцкого или Туровского, древнерусских княжеств (особенно широко – Смоленского). Выводы глубокого исследователя строятся на основе всего имевшегося в его распоряжении источникового материала по проблемам древнерусской истории.

Итак, анализ наработок В. И. Пичеты в области древнерусской истории с полным на то основанием позволяет отнести его к числу ведущих советских специалистов по истории Древней Руси. Ученый избегал прямолинейного, упрощенного решения проблемы этногенеза восточнославянских народов. Его решение проблемы генезиса древнерусской государственности созвучно современному пониманию раннесредневекового политогенеза в нескольких важнейших аспектах (например, в объяснении роли скандинавского фактора и противостоянии «Севера» и «Юга»). Одним из первых среди советских историков В. И. Пичета стал рассматривать распространение крупного феодального землевладения как причину раздробления государства. При этом важно, что этническое обособление в представлении ученого было следствием, а не причиной политического раздробления Древней Руси. До наших дней сохранило научную состоятельность видение В. И. Пичетой принципов организации власти и управления в древнерусских княжествах, среди которых достойное место принадлежало Полоцкому княжеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранова Е. В., Яновский О. А. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008. С. 219–232.
2. Вишняков Е. И. и Пичета В. И. Очерки русской истории. М. : «Польза» В. Антик и К°, 1913. 248 с.
3. Вишняков Е. И. и Пичета В. И. Очерки русской истории. М. : «Польза» В. Антик и К°, 1908. 267 с.
4. Пичета В. Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 3–29.
5. Пичета В. И. Александр Невский. Ташкент : Изд-во УзФАН, 1942. 39 с.

6. *Пичета В. И.* Введение в русскую историю: (источники и историография). М. : Кооператив. изд-во науч. раб-в, 1922. 205 с.

7. *Пичета В. И.* Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская книга. 1939. № 12.

8. *Пичета В. И.* Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М. : Моск. рабочий, 1939. 40 с.

9. *Пичета В. И.* История белорусского народа. Минск : Изд. центр БГУ, 2003. 182 с.

10. *Пичета В. И.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М. : Госуд. соц. -эконом. изд-во, 1940. 136 с.

11. *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2005. 179 с.

12. *Цемушаў С. М.* Веча ці князь: праблема арганізацыі кіравання ў Полацкай зямлі X – пачатку XIII ст. у дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 12. С. 14–21.

13. *Юсова Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. К. : ВД «Стилос», 2006. 620 с.

14. *Юсова Н. А.* Академік Володимир Пічета та генезис концепції давньоруської народності // Российские и славянские исследования. Вып. 2. Минск, 2007. С. 19–32.

15. *Яноўскі А. А., Зельскі А. Г.* Трымацца гістарычнай праўды (да 125-годдзя з дня нараджэння рэктара БДУ У. І. Пічэты) // Российские и славянские исследования. Вып. 1. Минск, 2004. С. 7–24.

Хадасевич А. С.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ИРАИДА ОСИПОВНА ЦАРЮК – ИСТОРИК, ДЕКАН, ПЕДАГОГ

Это имя хорошо известно как в научных, так и общественно-политических кругах, среди историков нескольких поколений в Беларуси и за пределами республики. Ученики Ираиды Осиповны, ставшие известными учеными, по праву называют ее незаурядным организатором исторического образования и науки [1, с. 139].

Родилась Ираида Осиповна Царюк (Притыцкая) на Белостотчине, где выросла в гуще народной жизни, вбирая лучшие качества людей труда, которыми потом всегда руководствовалась в своей творческой и организаторской деятельности. Так распорядились время и обстоятельства, что ей с детства довелось наблюдать, осознавая, сопереживая и выражая сострадание (иногда по-детски недоумевая), за теми тяготами